

Бак Д.П., А.Н. Архангельский

Образ повествователя

Если мы начали сравнивать «Войну и мир» с «Евгением Онегиным», если обнаружили, что между «историософскими отступлениями» повествователя у Толстого и «лирическими отступлениями» у Пушкина есть типологическое сходство, то нужно сказать и о принципиальном различии.

Пушкинский автор растет, меняется и мудреет вместе со своими героями; его отступления — это духовная автобиография поэта. Отношения автора с героями и с читателем похожи на отношения доверительных собеседников, которые готовы открыть друг другу тайные стороны своей биографии, исповедаться в тайных помыслах. А толстовский повествователь от начала к концу эпопеи не меняется. Он только наращивает свою активность, усиливает свой голос по мере того, как его герои приближаются к познанию истины, которой сам повествователь обладает изначально. Его отношения с героями и с читателем похожи на отношения наставника и воспитанника; отступления в «Войне и мире» — это своеобразный педагогический прием. Так учитель вводит новый материал по мере усвоения старого, усложняет задачи, повторяет пройденное.

В первом томе повествователь вместе с Пьером и Андреем чуть приземлен, пристально наблюдает за ходом обыденной жизни. И лишь изредка намекает на свои скрытые до поры до времени идеи с помощью метафор, сравнений. Он то кажется слишком объективным, отстраненным, то чересчур предвзятым, когда речь заходит о неприятных ему персонажах, чей жизненный опыт полностью расходится с его представлениями об идеале. (Это относится, например, к Элен Безуховой или князю Василию.) Но никогда повествователь не обнаруживает своего превосходства над любимыми героями.

В конце первого тома он слегка приоткрывает завесу тайны, которой владеет сам и которой постепенно начинают овладевать Пьер с Андреем. И сразу становится настойчивым, даже назидательным; он должен во что бы то ни стало обратить внимание читателя на важные детали и обстоятельства — и даже готов ради этого пойти на стилистические «излишества». Вот, например, одна из ключевых сцен эпопеи — ранение князя Андрея на Аустерлицком поле (часть третья, главка XVI). Только что Болконский мечтал о своем Тулоне¹ о том, что повторит подвиг Наполеона и поведет за собой народы, — и вот он лежит лицом к небу и понимает, как мелки были его мечтания:

«...он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. “Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому, бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..»

С точки зрения абстрактной стилистической нормы все здесь неправильно, но с точки зрения толстовского замысла — только так и можно писать. Рассказчику во что бы то ни стало нужно закрепить в сознании читателя образ аустерлицкого неба, чья вечная глубина освобождает князя Андрея от суетных желаний. И он, как учитель на уроке, повторяет слова «небо», «бесконечное», «облака», «тихо», «тишина».

¹ Взятие неприступной крепости Тулон стало первым военным успехом молодого офицера-артиллериста Наполеона Бонапарта, после чего началось его восхождение к вершинам славы.

А потом, в XIX главке, повествователь еще раз возвращается к тем же образам, вкладывает в уста героя важную мысль: «Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидал нынче?..» Зачем повествователь так поступает? Затем, чтобы противопоставить образу вечного неба с облаками образ маленького, ничтожного вождя народов.

Повествователь не страшится читательского разочарования, он озабочен только тем, чтобы все поняли: свершилось, князь Андрей на мгновение приблизился к постижению той идеи, ради которой эпопея написана. А потом, в третьем и четвертом томах, повествователь даст себе волю и вступит с читателями в прямой разговор, прочтет им развернутую лекцию об устройстве человеческой истории. Он множество раз оговорится, что истиной не обладает никто, кроме Бога; и все-таки точка зрения, на которой он стоит и с которой обзирает историческое движение народов, — это точка зрения вечности, точка зрения самого Провидения. Только оттуда, из пределов вечности, можно обозреть всю историю, как землю с высоты птичьего полета.

И при этом повествователь до конца эпопеи сохранит любовное внимание к обыденной жизни своих героев. Он будет так же тщательно описывать мельчайшие подробности их существования, будь то перестройка дома в Лысых горах, крестьянские волнения в Богучарове или псовая охота. Главная особенность образа рассказчика в «Войне и мире» — это его всеохватность, умение мгновенно переходить от реалистического живописания обычных буден обычных людей — к всемирно-историческим обобщениям и обратно.